

ВАСИЛИЙ СИГАРЕВ

ЗАМОЧНАЯ СКВАЖИНА

Пьеса в одном действии.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ОН

ОНА

Бог - это Мужчина. Мне кажется, что это так. Так и никак иначе. А иначе и быть не может. Почему? Не знаю. Но Бог - это мужчина. А значит - мужчина это ... Да, да, да, вы правильно поняли ход моих мыслей. Моих философских умозаключений. Кто философ? Я? Я философ? Нет, нет, нет, вот теперь вы глубоко заблуждаетесь. Я не философ. Кто же я? Я - мужчина. Что вам ясно? Ещё раз, пожалуйста. Ах, вот оно что. Вам ясно, почему я называю себя богом. Давайте, я вас буду так называть. Нельзя? Почему нельзя? Вы философ. Философ мужчина или философ женщина? Просто философ. А я просто Мужчина, поэтому буду говорить с вами о Боге. Что? А, понятно. Если бы я был просто женщиной, я бы не смог говорить с вами о Боге. Как - почему? Я же сказал, что Бог - это Мужчина. Что? Так, так, ясно ... Откуда же я могу знать, о чём бы я говорил с вами, если б был женщиной. О женщинах могут говорить только женщины, а о мужчинах только мужчины. Почему я не прав? Ах, вам подсказывает многовековой опыт человечества. И что же он вам подсказывает? Вот как. Он подсказывает вам, что многие гениальные писатели-мужчины описывали женские образы достаточно реалистично. А теперь я скажу, что подсказывает мой опыт. Он подсказывает, что описывать можно, что угодно, а говорить только о том, что знаешь. Только так и никак иначе. В противном случае вы будете давать ... - как это называется? Всё вспомнил. Не утруждайте свой философский ум: заведомо ложные показания. Ладно, не будем терять время и поговорим о Боге. Вы согласны? Прелестно.

Как я уже сказал, Бог - это мужчина. И у него есть две жизни. Одна та, о которой мы всё знаем и другая, о которой знает только он сам. Точно так же, как у мужчины их две. Одна, которая живёт им. Вторая, которой живёт он. И вот об этой второй жизни может говорить только мужчина. Что?

Я не могу сказать, есть ли у женщины такая жизнь, потому что я мужчина. Понятно вам? Я мужчина, поэтому буду говорить с вами только о боге ...

Маленькая комната с побеленными стенами. В углу кровать, под окном, завешанном коричневым покрывалом, стол со стопками книг. На одной из стопок маленький театральный бинокль.

Есть еще несколько стульев, плитка, шифоньер и старый растоптанный туфель, распятый на дверной ручке, как Христос какого-нибудь Пикассо.

Вот, в общем-то, и всё, если, конечно, не считать Его и Её.

На ней короткая юбка, чулки в сеточку, мохнатая кофта. В чём он - не имеет большого значения. Вот что на вас сейчас? Пускай на нём будет то же самое - так даже забавнее.

ОНА. *(ходит по комнате, знакомится.)* Грязно тут.

ОН. *(сидит на стуле, неподвижен, только глаза следят за её перемещениями.)* Я убираюсь по субботам, а сегодня пятница. Моя мама всегда убиралась по субботам, потому что в воскресенье - нельзя. *(Пауза.)* Почему-то.

ОНА. А в пятницу?

ОН. Что - в пятницу?

ОНА. А в пятницу можно?

ОН. Не знаю ... Можно, наверное.

ОНА. Почему же ты не убрал, прежде чем тащить меня сюда?

ОН. Потому что я убираю в субботу.

ОНА. *(Усмехается.)* Логично. Зачем это тут? *(Берет башмак с дверной ручки, вертит в руках, разглядывает.)* Типа как подкова, что ли? На счастье?

ОН. Это мой старый туфель. Он закрывает замочную скважину.

ОНА. *(Помещает башмак на место, смотрит на него.)* Зачем?

ОН. Что - зачем?

ОНА. Зачем он закрывает замочную скважину?

ОН. Что бы в неё не заглядывали.

ОНА. Кто?

ОН. Старуха.

ОНА. Какая старуха?

ОН. Хозяйка квартиры. Я снимаю у неё комнату. *(Пауза.)* Эту комнату. А она живёт в другой. Там побогаче мебель и побольше места. Но я там ни разу не был.

ОНА. Откуда же знаешь, что та комната больше этой?

ОН. Я заглядывал в замочную скважину. Я знаю способ, как можно легко открывать их. Хотите, научу?

ОНА. *(Улыбается.)* Давай.

Он идёт к двери, снимает с ручки туфель. Показывает что-то.

ОН. Вот видите этот язычок, который прикрывает отверстие для ключа. Он двигается туда-сюда, туда-сюда. Но его не откроешь так просто с той стороны - нужно попотеть. Но есть способ. Я его сам придумал. *(Сияет от удовольствия.)* Если прилепить изнутри кусочек пластилина, то можно это делать без труда при помощи вязальной спицы или стержня от ручки. *(Вдруг грустно.)* Правда, есть замки с плоскими язычками - там мой способ не применим. А иногда после покраски язычки вообще присыхают и их можно открыть, только попав в комнату. Что хуже всего - это современные замки без скважин. С ними столько мороки. Приходится выкручивать один из шурупов, на которых крепится ручка, сверлить сквозное отверстие, потом маскировать его. *(Вздыхает.)* Ненавижу современные замки.

ОНА. *(Молчит.)* И что же вы вот так тут и живёте? Заглядываете друг к другу каждый день через замочные скважины?

ОН. С кем?

ОНА. С ней. Со старухой.

ОН. Нет. Она не заглядывает. Я же повесил туфель.

ОНА. А если она сделала где-то незаметное отверстие. И всё смотрит и смотрит, как ты тут живёшь: варишь картошку в мундирах, стрижешь ногти на ногах, давишь прыщи перед зеркалом. *(Смеётся.)*

ОН. *(Нервно смотрит по сторонам.)* Вы правы ... Вы правы . Она могла. Это ведь её квартира. Её. Она могла. У неё было время. Я завтра поищу. Обязательно поищу. Это старый дом. В стенах масса всяких дырочек от когда-то забитых гвоздей. Их можно использовать. Я завтра их все замажу. Замажу.

ОНА. *(Перебивает.)* Ты случайно не забыл, зачем мы сюда пришли?

ОН. Что?

ОНА. Время, говорю, идёт, а ты ещё ширинку даже не начал расстёгивать.

ОН. Вы же сказали, что сто долларов - это за всю ночь.

ОНА. У меня ночи короткие. “Когда рассветёт - мы уйдём”.

ОН. Что?

ОНА. “Когда рассветёт - мы уйдём”, говорю. Картина есть такая. Гойя нарисовал.

ОН. Кто?

ОНА. Гойя. “Сон разума рождает чудовищ”. “Маха одетая”. “Маха обнажённая”. Знаешь?

ОН. Нет.

ОНА. *(садится на стул.)* Раз нет, тогда беседы не получится. Перейдём к делу.

Начинает снимать туфли.

ОН. *(бежит к столу, выдвигает ящик, что-то ищет.)* Нет, нет, нет. Всё не так. Не раздевайтесь. Нашёл. Вот, выпейте это ...

Протягивает ей на ладони несколько таблеток.

ОНА. *(отстраняет голову.)* Что это? “Колёса”? Или что-то возбуждающее? Мне не нужно, я и так горячая. Трахну так, что член расплавится.

ОН. *(краснеет.)* Это снотворное.

ОНА. *(смотрит на его руку.)* Зачем это?

ОН. Я хочу, чтобы вы спали ...

ОНА. Чтобы я - что?

ОН. Чтобы вы спали, когда я буду ... делать это.

Молчат. Смотрят друг на друга недоумевающее. Потом Она начинает дико смеяться.

ОНА. Поняла! Я поняла! Ты хочешь трахнуть спящую бабу! А ты ещё тот гусь! Прямо извращенец какой-то! Маленький гадкий извращенец! *(Перестаёт смеяться.)* Я не согласна!!!!

ОН. Но вы же сказали, что за сто долларов я могу делать всё, что мне вздумается.

ОНА. Правильно, говорила. Но я должна видеть, что ты делаешь, чтобы ты не сделал ничего другого. Откуда мне знать, что в соседней комнате не сидят пятнадцать твоих дружков. Сидят там и ждут, когда я усну, чтобы позабавить на халяву. Нет, так не пойдёт. Давай по нормальному и - до свидание.

ОН. Это того не стоит.

ОН. *(берёт сумочку, идёт к двери.)* Ну, не стоит, так не стоит ... *(Останавливается.)* Хорошо. Пятьдесят - и завтра ты будешь считать мозоли у себя на достоинстве ...

ОН. *(стоит, не двигается.)* Я плачу сто, но вы должны спать. Так и никак иначе ...

ОНА. *(в сердцах плюёт на пол.)* Идиот!!! *(Сбрасывает башмак с дверной ручки.)* Замочные скважины!!! Дыры в стенах!!! Дурдом! Кругом одни извращенцы! Ни одного нормального мужика! Одному - то, другому - это! Дурдом!!! Дурдом!!! Дурдом!!! *(Без паузы.)* Ладно, я согласна. Давай свои пилюли ... *(Подходит к нему, берёт таблетки, подозрительно изучает их.)* Я это ... не отравлюсь от них?

ОН. Нет. Это дорогие. Воды надо?

ОНА. Так выпью. *(Глокает, давится, кашляет.)* Что теперь?

ОН. Ложитесь на кровать - скоро начнут действовать

Она ложится. Смотрит в потолок. Молчит. Он садится рядом на стул. Тоже молчит.

ОНА. Зачем тебе это, а?

ОН. Что - это?

ОНА. Ну, чтобы я спала? Ты случайно не того?

ОН. (долго не отвечает.) Просто у меня была мечта. Фантазия, если угодно. Давно. В детстве. В лет одиннадцать или двенадцать. Я ходил по улице, видел женщин. Много женщин. Красивых, стройных, толстых, жирных, уродливых, всяких. Я их видел. Смотрел на них. На их ноги. На ровные длинные ноги. На ноги волосатые и толстые. На кривые с шелушащейся кожей. На покрытые варикозными узлами вен. Я жаждал их всех. Всех одновременно. Я смотрел на их груди. Особенно летом, когда на некоторых не было лифчиков. О, лето - это была самая любимая пора для меня. Потому что именно летом мне удавалось увидеть женскую грудь натурально, близко, при свете дня. Это было в очереди за квасом. Я стоял за какой-то девушкой в цветной сорочке. Подошла её очередь, она заказала стакан, потянулась за ним тоненькой беленькой ручкой и - о, чудное мгновенье! - я увидел белый холмик, увенчанный вождеденной розовой плотью, в промежутке между пуговицами. Я как будто опьянел. Внутри меня всё вспыхнуло, загорелось, заплясало ... *(Замолкает, испуганно смотрит на дверь, шепчет.)* Зачем вы убрали туфель?

ОНА. (тоже шепотом.) Ты же сказал, что хозяйки нет дома.

ОН. (идёт к двери, возвращает башмак на место.) Ну и что. Он должен висеть на дверной ручке - мне так спокойнее.

ОНА. У тебя шизофрения. Параноидальный синдром.

ОН. Нет, я нормальный.

ОНА. Нормальные себя так не ведут.

ОН. Ведут!

ОНА. Не ведут!

ОН. Ведут! Ещё как ведут! Вот зачем вы носите одежду?

ОНА. Для тепла.

ОН. А летом? Почему летом в жару вы не ходите голой?

ОНА. ... Чтобы меня не видели. Моего тела, то есть.

ОН. А дома? Дома вы ходите безо всего?

ОНА. Иногда.

ОН. Почему же не всегда?

ОНА. (молчит, думает.) Не знаю. Мне неудобно. Кажется, что кто-то может увидеть.

ОН. (возносит указательный палец к небу.) Вот! Вот о чём я! Значит, вы тоже параноик!
Снова садится на стул, смотрит на её туфли.

ОНА. Ладно, убедил. Продолжай.

ОН. Что - продолжать?

ОНА. Ну, про свою мечту. Про фантазию или как там её. Про девочку с квасом.

ОН. Ах, да. В общем, в тот день я пошёл за ней. Надеялся на какое-то чудо. Думал, может с ней случится солнечный удар или эпилептический припадок где-нибудь в безлюдном месте. Тогда бы я мог подбежать к ней, сделать вид, что оказываю помощь, а сам бы прикасался к её груди. Проник бы рукой в тот самый промежуток между пуговицами и трогал бы гладкую

упругую плоть. Может быть, даже у меня было бы время, чтобы запустить пальчик туда ... туда ... Ну, вы понимаете?

Она кивает, улыбаясь.

Целых полтора часа, пока я ходил за ней по магазинам, по кулинариям, у меня была эрекция. Мне казалось, что люди видят, как топорщатся у меня штаны, поэтому я держал руки в карманах. Потом она зашла в какой-то подъезд и исчезла. Исчезла навсегда.

ОНА. А ты, наверное, кинулся в кусты и принялся удовлетворять себя. Угадала?

ОН. (не обращая внимания.) Нет, я пошёл домой. Я смотрел на людей. Я смотрел на женщин. Она были такие далёкие, такие недосыгаемые. А мне так хотелось владеть им! Владеть всеми сразу!!! И тогда я подумал ... Нет, это была даже не мысль. Это было озарение. Или прозрение. Я вдруг представил, что если бы все люди в мире уснули. Не умерли, а уснули. Уснули странным летаргическим сном. Тогда я бы мог овладеть любой женщиной, какой только пожелаю. Они бы лежали на улицах, у прилавков, в очередях, в квартирах - везде, а я бы был тем единственным, кому бы они принадлежали. Я был бы их царём. Я был бы их Властелином. Я был бы их Богом.

ОНА. (иронично.) Печальная история.

ОН. Вы ничего не поняли.

ОНА. Всё я поняла.

ОН. Не поняли!

ОНА. Ладно, проехали. Зачем тебе бинокль?

ОН. Этот?

ОНА. Этот.

ОН. Этот плохой. Я хочу купить дорогой. Морской.

ОНА. Зачем он тебе?

ОН. Я смотрю в него.

ОНА. (смеётся.) Ясно дело - не слушаешь. Куда смотришь?

МОЛЧАНИЕ.

ОН. В окна. Напротив нас есть многоэтажный дом и в нём много окон. А в них люди. Они живут там. Умирают. Ругаются и мирятся. Едят, спят, смотрят телевизор. Иногда дерутся. Изменяют друг другу. Играют в карты. Вызывают "скорую". Чешут собак. Смотрят на себя в зеркало. Считают деньги, прячут их в разные места. А я каждый вечер смотрю на них. Выключаю свет и смотрю ... Они не знают обо мне, а я сижу здесь и смотрю в бинокль. Они думают, что всё, что они там делают, известно только им. Но есть ещё я. Они не знают, что я существую. А между тем я каждый вечер вторгаюсь в их жизни. Вторгаюсь и живу вместе с ними. Вместе с ними пеку пироги. Вместе с ними размораживаю холодильник. Вместе с ними ложусь в постель. Я почти как **БОГ**, о котором они ничего не знают и ничего не ведают. Это чем-то похоже на мою детскую мечту. Я владею их жизнями. Как Бог. Как Бог!

Она молча встаёт, берёт бинокль, открывает окно и смотрит.

Он следит за ней странным кошачьим взглядом, втянув голову в плечи. Его руки одновременно трут бёдра ног.

ОНА. Там ничего не видно.

ОН. Видно.

ОНА. Я не вижу.

ОН. Видно! Там жизни, которыми я владею.

ОНА. *(снова ложится, держит бинокль в руках.)* Нельзя владеть чьими-то жизнями, только наблюдая.

ОН. Можно!

ОНА. Нельзя.

ОН. *(резко отбирает у неё бинокль, прижимает его к животу.)* Можно! *(Почти кричит.)* Можно! Можно! Можно мысленно делать с ними всё, что угодно! Можно трогать их! Трогать за самые разные места! Можно плевать на них! Можно щипать их! Колотить иглами! Грабить! Бить! Можно даже убивать!!!!

ОНА. Но им-то что от этого? Что?

ОН. Какое мне дело до них? Главное - я! Главное, я знаю, что могу делать это! Главное - я знаю! Вот, например, у меня была сводная сестра. От первого материнского брака. Она потом умерла от рака крови. Так вот, когда мы с ней ругались, она обзывала меня девственником. Мне было четырнадцать, а ей около двадцати. И она обзывала меня. Кричала: "Девственник! Девственник! Будешь им ещё сто лет!" Я всегда плакал после этого. А потом трахнул её. Трахнул, как только захотел! И трахал целых два года, пока она не умерла. У нас в квартире между ванной и туалетом было окно. Оно было покрашено толстым слоем белой краски. Я отковырял краску. Всего маленький кусочек краски, но сквозь этот крошечный просвет я мог делать с моей сестрой самые отвратительные гадости, пока она мылась. Как только она входила в ванную, я закрывался в туалете, вставал на унитаз и смотрел. Смотрел, как она мылит себя. Как она моет там. Она делала это так нежно, словно её орган был хрустальный и стоил миллион долларов. Она была полностью голая. Я мог видеть прыщи у неё на спине и даже ручеёк волос возле пупа, как у мужчин. Иногда она лежала в ванной и ласкала себя. А я смотрел - и трахал её. Потом я кончал и мне становилось противно видеть её тело. Оно начало казаться мне мерзким, как батон ливерной колбасы. Я замазывал просвет зубной пастой, делал вид, что смываю и уходил.

ОНА. И что же она после этого - перестала тебя называть девственником?

ОН. Нет, она не перестала. Зато я перестал обращать на неё внимание. И перестал плакать. Она-то думала, что я до сих пор девственник, а я уже не был им. Я лишился своей девственности с ней. С ней! Но она не знала об этом. И так и не узнала до самой своей смерти. А потом я пришёл к ней на могилу и всё рассказал. Я даже вспомнил, как она ставила себе во влагалище клизмы. И рассказал ей об этом. Рассказал, чтобы она не думала, будто я всё выдумал. Я рассказывал ей это и смеялся. Смеялся и плакал. Плакал и смеялся.

ОНА. *(садится на кровати.)* Ты чокнутый. Самый настоящий чокнутый.

ОН. *(вдруг вскакивает, кричит в окно.)* Я нормальный! Нормальный! Это вы, вы, вы все чокнутые, сумасшедшие, шизофренические, дебилы! Верите в Бога, а сами его ни разу не видели! Трепещите перед ним! Бойтесь его! Бойтесь того, кто только смотрит! Говорите: "бог здесь, бог видит!" А чем же тогда я не Бог?! Чем же я не Бог?! Я тоже вижу! Я тоже там, с вами! Чем же я не бог? Чем, а?!!!

ОНА. Тихо.

ОН. *(весь напрягается, смотрит по сторонам.)* Что? Кто? Кто здесь?

ОНА. *(шепчет.)* Тихо, тихо.

ОН. Что? Что? Зачем это?

ОНА. Тихо, тихо, тихо.

ОН. Что?

ОНА. Ты боишься смерти?

ОН. А?

ОНА. Ты смерти боишься?

ОН. (шепчет.) Иногда я хочу умереть. Но только - чтобы это было что-то глобальное, все-разрушающее. Чтобы это был Конец Света. Чтобы никого не осталось. Никого. Чтобы все умерли вместе со мной. Я даже изобретаю такую бомбу, чтобы взорвать всю землю. Чтобы нажать на кнопку и - всё. И всё. И нету земли. И нету вас. Нету моей сестры с её могилой. Нету той девушки в цветной блузке. Нету никого. Никого. Никого...

Она снова ложится, отворачивается к с стене.

ОНА. Тихо. Тихо. Я буду спать. Твои таблетки уже действуют. Тихо. Я уже засыпаю. Потом я усну и ты сделаешь со мной всё, что угодно.

ОН. Ладно. Хорошо. Хорошо. Ладно.

На цыпочках идёт к двери. Снимает с ручки свой старый растоптанный туфель, открывает замочную скважину, исчезает за дверью.

Скрипят половицы. Стонут доски. Поют гвозди, забитые в древнее ссохшееся дерево. Но они поют о чём-то своём. Им нет дела до человека, который, припав глазом к замочной скважине, притулился возле двери. Им нет никакого дела до этого странного человека с его сумасшедшими мечтами или фантазиями, если угодно. С его театральным биноклем. С его сестрой, лежащей на каком-то неизвестном кладбище, но всё ещё живущей в его голове. Им безразличны все его страсти, страхи, мечтания. Они живут своей неторопливой однообразной жизнью и лишь изредка думают о том, кто наступает на них. Они считают его Богом.

Медленно открывается дверь. Появляется, затаив дыхание, Он. Помещает башмак туда, где ему следует быть. Прикрывает дверь. Идёт осторожно на цыпочках - крадется. Что-то спрашивает чужим деревянным голосом.

ОН (шепчет, задыхаясь.) Вы спите?

Тишина.

Вы спите?

Нет ответа.

Вы спите?

МОЛЧАНИЕ.

Что с вами? Вам плохо? Сейчас я вам помогу ... *(Пауза. Идёт к кровати.)* Я врач. У меня диплом... Диплом у меня... Сейчас я вас спасу.

Подходит к ней. Начинает боязливо, едва прикасаясь, гладить её ноги, ягодицы, грудь. Его тело содрогается мелкая, неуёмная дрожь. Правая нога конвульсивно трясётся, как у собаки.

(Глохнет слюну, шепчет сбивающимся голосом.) Я врач ... диплом ... Я вам помогу ... Сейчас ... Сейчас. Помогю. Я врач. Всем помогаю ...

И вдруг она переворачивается на спину и начинает смеяться страшным демоническим хохотом...

Он отскакивает в сторону. Пятится.

Я ничего не делал! Я думал - вам плохо! Я хотел помочь!

ОНА. (кричит.) Идиот! Тупица! Свинья безмозглая! Козёл! Тварь! Думал, я буду жрать твои сраные таблетки! Накуси-выкуси! *(Швыряет в него таблетки.)* На, жри сам! Где мои деньги?! Ты меня лапал – плати, шизофреник! Плати, сука! Где деньги?! У меня папик есть! Су-тенёр! Он тебя уроет, гнида! Где деньги?!

Он, продолжая пятиться, достал сто долларовую купюру, роняет её на пол.

ОН. Я ничего такого не делал! Не надо меня в тюрьму! Пожалуйста! Я больше не буду! *(Плачет.)* Пожалуйста, тётенька, миленькая! Я больше не буду! Честное слово! Только не надо меня в тюрьму!!!

Прячется в шифоньер. Рыдает.

ОНА. *(поднимает деньги, надевает туфли, идёт к двери.)* Кому ты там нужен в тюрьме?! Псих! Замочные скважины у него! Бинокли! Психопат! Богом себя мнит! Даун! *(Открывает дверь, швыряет в шифоньер туфель, орёт ему вдогонку.)* Пошёл в жопу!!! Пидор!!!!

Уходит, со всей силой хлопнув дверью.

Долгое время ничего не происходит. Потом дверца шифоньера со скрипом открывается. Изнутри вываливается Он.

ОН. *(Плачет.)* Я ничего такого не делал. Я врач. Я хотел помочь. Думал, вам плохо. Я врач. Я ведь врач. Честное слово.

Идёт к окну. Берёт бинокль. Смотрит. Вдруг начинает не говорить - шипеть.

Я вас ненавижу!!! Не-на-ви-жу!!! Нее-наа-вии-жууу!!! Слышите меня?! Слышите?! Я вас всех не-на-ви-жу!!! Живёте там, в своих окнах, а обо мне забыли! Будто меня и нет вовсе! А я есть!!! Я там, с вами! Каждый вечер! И мне плевать на вас!!! На всех! Слышите меня?! Слышите?! Мне плевать! *(Захлёбывается рыданиями.)* Лучше бы вас не было! Лучше бы вас всех не было!!! И меня!!! И меня!!! Слышите?! Суки!!! Суки!!! Суки!!!

Швыряет бинокль об пол. Тот разлетается на сотни белых пластмассовых осколков, которые сверкают, как кусочки стекла.

Идёт прочь от окна. Руки сжаты в кулаки. Слёзы текут по щекам.

(Шепчет.) Вот изобрету свою бомбу и взорву всю землю. И вас, и себя. Всех, всех, всех, всех, всех, всех, всехвсехвсехвсех ...

Темнота

Занавес

КОНЕЦ